

ГУСЕЙН ШАРИФ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОДАРКА

Шёл 1944-й год. В то время я работал в Иранском Азербайджане в должности уполномоченного Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

Во многих городах Южного Азербайджана мною были организованы отделения этого общества. Я регулярно посещал эти отделения, контролировал их деятельность и при необходимости оказывал возможную помощь.

В один из дней я получил письмо от вице-консула из Маку. Он писал, что в Маку меня ждут с большим нетерпением. Хотят организовать там отделение нашего общества. Я отправился туда. Там мы организовали отделение. Председателем был назначен сын Муртузагулу-хана Мурадали-хан.

Мурадали-хан был рослым, богатырского сложения, образованным, культурным молодым человеком красивой наружности, примерно лет двадцати семи – двадцати восьми. По всей вероятности, образование он получил во Франции.

Когда я отправлялся в отделения, то, как правило, ночевал в консульствах. Вечером вице-консул сообщил мне, что Мурадали-хан приглашает меня в гости к себе домой. И я должен принять приглашение. Это очень почтенная, знатная семья, пользующаяся большим уважением среди населения.

Вечером я направился в дом хана. Дом отличался богатым убранством и был обставлен с большим вкусом. В гостиной был накрыт, как говорится, царственный стол, который ломился от обилия блюд, вплоть, как говорится, до птичьего молока.

После приветствий, справившись о самочувствии друг друга и обменявшись любезностями, мы уселись за стол. Меня насильно усадили во главе стола. Изумительно вкусные блюда, источающие восхитительный, аппетитный запах, сменяли друг друга. Следуя правилам этикета, я произнёс тост за здоровье хозяина, после чего обратился к Мурадали-хану:

– Агаи Мурадали-хан, видимо, эти прекрасные, отменные блюда приготовлены руками очень искусной ханым, обладающей изысканным вкусом. Bravo этим рукам, ещё раз bravo! Если позволите, мы бы подняли тост за её здоровье. Но было бы лучше, чтобы она сама тоже присутствовала.

– Сию минуту, агаи Шариф, – произнёс Мурадали-хан. – Я сейчас же приглашу мою мать к меджлису.

– Значит, вся эта обстановка в доме, идеальный порядок – дело рук вашей матери? – спросил я.

– Да, её...

Мурадали-хан вышел из комнаты. Спустя несколько минут он вернулся:

– Агаи Шариф, она вот-вот явится.

Вскоре в зал вошла статная, чернобровая и черноглазая обаятельная женщина с миловидным благородным лицом. На ней была одежда, присущая карабахским женщинам. Взглянув на неё, я был изумлён и, не сдержавшись, обратился к Мурадали-хану:

– Агаи Мурадали-хан, но ведь это одеяние наших карабахских женщин. Точно также и украшения на достопочтимой госпоже.

– Так и есть, агаи Шариф, всё верно. Да, это карабахская одежда. Ведь моя уважаемая мать Аннаны-ханым тоже родом из Карабаха. Она из рода вашей знаменитой ханской дочери – Хан гызы Хуршидбану Натаван.

Одним словом, мы с большим удовольствием подняли тост за здоровье Аннаны-ханым, выразив ей глубокую признательность. Это была кроткая, немногословная женщина пятидесяти-пятидесяти пяти лет. Я с изумлением взирал на неё, а она не переставая улыбалась. Вскоре она, продолжая улыбаться, с добрыми пожеланиями покинула нас. После её ухода я обратился к хозяину дома:

– Агаи Мурадали-хан, я и предположить не мог, что увижу здесь такую благородную карабахскую женщину с лучезарным лицом. Я прошу вас, передайте вашей матушке ещё раз нашу глубокую признательность.

После продолжительной беседы Мурадали-хан, извинившись, вышел из зала. Спустя несколько минут он вернулся и, учтиво протянув мне принесённые с собой бумаги, произнёс:

– Агаи Шариф, это то, что хранится, осталось у нас от рукописей Хан гызы Натаван. Сам не знаю, куда пропала остальная их часть... Вы писатель, и вам лучше знать цену этим рукописям...

Вынув из кармана ручку, он написал в углу одной из рукописей, окрашенных в четыре цвета, следующие слова:

«Təqdim be hüzure aǵayı Şərifovə ş'are Xanqızı mütəxəllis be Natəvan əz tərəfi Muradəlixan – rəisi – əncüməni – rəvabiti – fəhrəngi – İran və İttihadi cəmahiri Şurəvi».

Перевод текста следующий: «Стихи Хан гызы Натаван вручаются Мурадали-ханом агаи Шарифову – руководителю отделения общества культурной связи между Ираном и Советским Союзом Мурадали-хан».

Не скрою, этот неожиданный поступок хана заставил меня позабыть обо всём – и сам меджлис, и пиршество с яствами. Мои мысли занимали только рукописи. Но ради приличия я обратился к Мурадали-хану со словами:

– Агаи Мурадали-хан, я не смею принять такой подарок. Будет нечестно лишать вашу семью этой памяти, оставшейся от близкой родственницы вашей матери – Натаван. Мне кажется, эти бесценные рукописи должны оставаться в вашем доме.

– Нет, агаи Шариф, у нас могут потеряться. Они должны храниться у вас... У нас в доме и без этого имеются другие памятные реликвии от Натаван.

Я совсем опешил, пот прошиб всё тело. Как – «и другие памятные реликвии?...» «Интересно, что это за реликвии, что они представляют собой?» – подумал я. В горле пересохло. Как я мог в доме, где гостил и был принят с такими большими почестями, выдать обуявшие мою душу чувства, свою заинтересованность? Как мне спросить, что это за реликвии? С большим трудом кое-как совладав с собой, произнёс:

– Агаи Мурадали-хан, даже не знаю, как я смогу отблагодарить вас. Эти рукописи для меня – бесценная реликвия... Я заверяю вас, что буду хранить и беречь их как зеницу ока.

– Не стоит благодарностей, агаи Шариф, ведь наши предки не зря говорили: «Цену золоту может знать только ювелир». А цену им, – он указал рукой на рукописи на столе, – можете знать вы... Пусть они достанутся вам в память от нашей семьи.

На следующий день Мурадали-хан повёл меня в свою летнюю резиденцию – эйлаг Бахчаджыг. Вокруг прекрасного, живописного уголка, окружённого со всех сторон горами, отвесными скалами, росли различные плодовые деревья, тут и там виднелись цветники, бассейны...Однако, кажется, всё это находилось в некотором запустении... Чувствовалось, что многое здесь надо основательно обновить, восстановить. Но видно было, что для этого нет возможности. Поскольку это был приграничный район, здесь происходили различные происшествия, инциденты... К тому же, пока ещё многим была неясна политика новой власти в Южном Азербайджане... Люди ждали, как и чем завершатся происходящие события. Среди населения были и те, кто с одобрением принимал новый строй, и те, кто относился к нему с некоторым сомнением и опаской...

Хотя как в Бахчаджыге, так и по возвращении оттуда, у меня с Мурадали-ханом происходили беседы на разные темы, однако он ни разу больше не заводил речи о «других памятных реликвиях».

Слова «другие памятные реликвии» я никогда не забывал. Эта мысль всегда беспокоила меня, давая пищу для размышлений: «Интересно, какая участь постигла эти реликвии, сохранились ли они, и если сохранились, то где хранятся? Каким образом и откуда можно узнать об этом?»

Хотелось бы отметить ещё один факт. В том же 1944-м году из Министерства иностранных дел СССР в Генеральное консульство Советского Союза в Тебризе была отправлена телеграмма. Меня вызывали в Москву. Я срочно прибыл в Баку для вылета в Москву. Переночевал у моего брата Сулеймана. О своём прибытии в Баку я, кроме ЦК КП Азербайджана, никому не сообщал. Несмотря на это, спустя два часа после моего прибытия в Баку, в квартире у брата Сулеймана зазвонил телефон. Взяв трубку, брат сказал:

– Тебя хотят...

Я подумал, что это из ЦК. Но ошибся. Звонил видный литературовед, покойный Мамед Ариф Дадашзаде... Вопрос, заданный им после приветствий, поверг меня в изумление:

– Ай Гусейн, говорят, что ты привёз рукописи Натаван. Как мы можем взглянуть на них?

– Ариф, – сказал я, – завтра я должен лететь в Москву, по возвращении как-нибудь найдём время и посмотрим.

– Очень прошу, покажи их нам до своего отъезда, это крайне важно для нас.

– Постараюсь, Ариф, покажу, как будет возможность.

Вернувшись из Москвы, я, кое-как выкроив время, позвонил Арифу, сообщив о своей готовности.

– Но с одним условием, – добавил я.

– Пожалуйста.

– Эти рукописи я могу показать только тебе.

– Хорошо, буду ждать.

Ариф рассматривал рукописи как зачарованный, с нескрываемым восторгом. Он сличал рукописи Натаван с хранящимися в фонде другими документами, то и дело перебирая их... Ещё долгое время очарованно лицезрел их.

– И как теперь быть, Гусейн, где они будут храниться, что ты собираешься делать с ними? – наконец произнёс он.

– Ты сам видел надпись Мурадали-хана, он преподнёс их в дар лично мне. Завтра я возвращаюсь в Тебриз. Даст Аллах, вернусь, тогда и решим.

«Azərbaycan gəncləri», 28 июля 1984 г.

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ